АЛЕКСАНДР Г. КРАВЕЦКИЙ –
АЛЕКСАНДРА А. ПЛЕТНЁВА[1]

Катехизисы и русский литературный язык XVIII в.: Феофан Прокопович, Платон Левшин, Гавриил Петров

DOI 10.17846/pdjkss.2026.110-125

Kravetskii, Aleksandr – Pletneva, Aleksandra: Catechisms and the Russian Literary Language of the Eighteenth Century: Feofan Prokopovich, Platon Levshin, Gavriil Petrov

The article examines eighteenth-century catechisms as sources for the formation and development of the Russian literary language. Drawing on Feofan Prokopovich's *First Instruction for Young Men* (*Pervoe uchenie otrokom*), the catechisms of Platon (Levshin), and an unpublished catechism by Bishop Gavriil (Petrov), the study explores the choice of linguistic means in texts intended for religious instruction. Particular attention is paid to the relationship between Church Slavonic and Russian elements, morphological and syntactic features, the use of Slavonicisms, word order, and the lexical composition of the texts. The article demonstrates that Feofan's language reflects the linguistic transformations of the Petrine era, combining Russian innovations with the Church Slavonic tradition. Platon's catechisms show a considerably more consistent orientation toward the emerging new Russian literary language and, in a number of syntactic features, anticipate the language of the following period. The unpublished catechism by Gavriil, by contrast, retains a closer connection with the Church Slavonic bookish tradition. A comparison of these texts makes it possible to identify the range of linguistic strategies employed in the formation of the Russian theological language in the second half of the eighteenth century.

Russian literary language; Church Slavonic; catechisms; language standardization; linguistic variation; religious texts.

Катехизисы и становление славянских литературных языков

В истории литературных языков Нового времени катехизисы занимают особое место. Книга, включающая общедоступное изложение христианского вероучения, должна была быть написана на понятном читателю языке. Языковые задачи, которые решали составители катехизисов, во многом совпадали с задачами, которые в Новое время ставили перед собой нормализаторы литературных языков. Следует отметить, что составление катехи-

[1] Александр Кравецкий, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. https://orcid.org/0000-0002-7046-0438. Александра Плетнева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. https://orcid.org/0000-0002-2949-3350.

зиса давало более широкое поле для лингвистических экспериментов, чем перевод Писания. И влияние катехизисов на языковую ситуацию теоретически должно было быть бóльшим. Во-первых, за библейскими переводами стоит огромная традиция, в результате чего они волей-неволей тяготят к архаике, в то время как за катехизисами подобной традиции нет и их авторы куда более свободны в выборе языковых средств. Во-вторых, катехизис – текст существенно меньшего объема, чем полная Библия, поэтому его тиражирование и распространение требует меньших затрат и усилий. Именно по этой причине катехизисы сыграли фундаментальную роль в формировании национальных и литературных языков многих славянских народов.

Как известно, популярные книги, излагающие основы вероучения, появились в связи с идеями реформации. Распространение трудов, которые в вопросно-ответной форме излагали для широкой аудитории основы вероучения, обычно связывают с именем Мартина Лютера. Хотя подобные сочинения появлялись раньше. У славян их появление было связано с деятельностью общины Чешских братьев. Так, созданный на рубеже XIV–XV вв. *Dětské otázky* (адресованный детям учебник, излагающий основы христианского вероучения) фиксирует литературную норму древнечешского языка до реформ Яна Гуса.

Характерно, что катехизисы могли издаваться вместе или одновременно с азбуками. Так *Catechismus*, выпущенный в 1550 г. протестантом Приможем Трубаром появился одновременно с его азбукой (*Abecedarium*). Эти книги заложили основу словенского литературного языка (Grdina 2007). Первой массовой учебной книгой на польском языке стал изданный в 40-е годы XVI в. *Katechizmu tekst prosty dla prostego ludu*. По всей видимости, это первый польский катехизис, сознательно ориентированный на создание общеупотребительной письменной нормы (Rospond 1949: 27-32). Очень интересным лингвистическим экспериментом является изданный в трех вариантах протестантский катехизис на хорватском языке (*Katehismus: edna malahna kniga u koi esu vele potribne i prudne nauki i artikuli prave krstianske vere, s kratkim istomačenjem*). Книга была напечатана в 1561 – 1564 гг. латиницей, кириллицей и глаголицей. Предполагалось, что жители хорватского Приморья будут читать глаголицу, население Боснии и части Далмации – кириллицу, а латинская версия была адресована образованным читателям вне зависимости от региона. Решая задачу создания максимально понятного межрегионального языка протестантской миссии, авторы этого катехизиса фактически были предтечами создателей общехорватской литературной нормы. Важным памятником, в котором отражаются особенности словацкого языка, является напечатанный в 1581 г. *Bardejovský katechizmus* (Bardejovský katechizmus 2013). В этом тексте чешская книжная норма адаптирована к словацкому языку. Последовательной словакизации подвер-

гнуты фонетика и морфология. *Bardejovský katechizmus* является первым опытом формирования словацкой письменной традиции задолго до кодификации Антона Бернолака и Людовита Штура.

У восточных славян распространение катехизисов было связано с межконфессиональной полемикой на территории Речи Посполитой. Если говорить о языковой проблематике этих катехизисов, то здесь книжный церковнославянский язык конкурировал, с одной стороны, с польским языком, а с другой – с простой русской мовой. В Московской Руси появление катехизисов не было инспирировано межконфессиональной полемикой. Здесь катехизисы появляются скорее как книги, необходимые для организации школьного образования. Характерно, что над московским изданием «Грамматики» Смотрицкого и малым катихизисом Петра Могилы («Собрания краткия науки о артикулах веры») работала одна и та же команда справщиков (Плетнева 2024: 514-515), а причиной печатания этих книг стал нереализованный проект создания в Москве духовной школы.

Следует отметить, что в истории русского литературного языка катехизисы занимают более скромное место, чем в истории других славянских языков. Связано это с тем, что катехизисы появились здесь в результате государственных мероприятий по просвещению населения, в то время как традиционный вариант начального богословского образования в России был больше связан с введением в богослужебную жизнь, чем с введением в школьное богословие. Традиционные учебные книги – церковнославянские Букварь, Часослов и Псалтырь – помогали восприятию церковных песнопений, но специального обучения основам веры в допетровской Руси не было, как не было и запроса на такое обучение.

Катехизис Феофана Прокоповича и Петровская образовательная реформа

Ситуация стала меняться в конце XVII в. в связи с желанием Петра I реформировать образование по западному образцу. Образовательный проект требовал, чтобы в число учебных книг входили большой и малый катихизисы. В рамках этого проекта в 1696 г. издается славянский перевод «Православного исповедания» Петра Могилы (Плетнева 2024: 520-526). В 1720 г. по замыслу Петра Феофан Прокопович подготовил «Первое учение отрокам», основная часть которого представляет собой малый катехизис.[2] На первый взгляд, эта книга похожа скорее не на катехизис, а на традиционный букварь. В начале помещены азбука, слоги, слова под титлами, буквенная цифирь и т. д., то есть материал для обучения чтению по скла-

[2] О том, что «Первое учение отрокам» это именно малый катехизис и о связи этой книги с петровской реформой см. Кравецкий и Плетнева 2026: 576; Корзо 2014.

дам. Далее же следуют не псалмы и молитвы (как это было в стандартных букварях), а текст катехизиса. Такой способ изложения материала указывает на изменение характера начального образования. Если раньше первыми текстами, которые читал научившийся грамоте ребенок, были фрагменты богослужения, то теперь на их месте оказалось краткое изложение вероучения. То есть центр начального образования смещался с введения в богослужебную практику на усвоение содержания церковного вероучения. Радикальное изменение содержания книги, предназначенной для начального обучения, прекрасно осознавалось ее автором. В предисловии к «Первому учению отрокам» Феофан писал, что его катехизис печатается вместе **съ бу҃кваре́мъ, да бы҃ о҆́троцы чита́ть оу҆ча́щїися по бу҃квахъ и҆ сло́гахъ, во оу҆тверждє́нїе чте́нїа своегѡ̀, не ѱалмѡ́въ и҆ мо҃́твъ, но сегѡ̀ толкова́нїа оу҆чи́лися. А҆ по се́мъ оу҆же́ къ вѣ́рѣ и҆ зако́нѣ Бо҃жїи наста́вленни, могли́ бы съ по́лзою оу҆чи́ть ѱалмы́ и҆ мо҃́твы** (Феофан 1721: 1 паг., 3об.-4).

Будучи близким сподвижником Петра I, Феофан Прокопович разделял его взгляды на вопросы языковой политики и просвещения. Феофан декларирует, что его учебное пособие написано «простым», то есть понятным для читателя языком. В предисловии он прямо говорит об этом: **въ Россі́и бы́ли такѡвы́а кни́жницы, но поне́же славе́нскиѧ высо́киѧ дїале́ктомъ, и҆ не просторѣ́чїемъ напи́саны, да и҆ не оу҆чено҆ кни́жницаѧ ты́мъ о҆́троко́въ, тогѡ̀ ра́ди лиша́лися досе́лѣ о҆́троцы подоба́ющагѡ̀ себѣ̀ воспи́танїа** (Феофан 1721: 1 паг., 2об.-3).

Встает вопрос, языку каких книг Феофан противопоставляет это свое сочинение. Нам известны две таких книги – изданный в 1649 г. Малый катехизис Петра Могилы и изданное в 1696 г. его же «Православное исповедание». Совершенно очевидно, что речь идет о «Православном исповедании», печатное издание которого появилось именно в связи с петровской образовательной реформой. Славянская версия «Православного исповедания» была написана **высо́кимъ дїале́ктомъ**, которому Феофан противопоставлял «просторечие» своей книги. Слово «просторечие» здесь фигурирует не в значении простонародный язык, находящийся вне рамок литературного языка, а означает «простой» русский язык, противопоставленный книжному церковнославянскому.[3] На то, что «Православное исповедание» Петра Могилы и сочинения отцов Церкви написаны сложным языком и малопонятны простому народу, Феофан пишет и в Духовном регламенте: «книга исповѣданїя православнаго не малая есть, и для того въ памяти простыхъ человѣкъ неудобь вмѣщаема, и писано непросторѣчно, и для того простымъ не вельми внятна. Такожъ и книги великихъ учителей, Златоустаго, Ѳофи-

[3] Об этом подробнее смотри Живов 2017: 980.

лакта и прочихъ писаны суть Еллинскимъ языкомъ, и въ томъ токмо языкѣ внятны суть: а переводъ ихъ Славенскїй сталъ теменъ и съ трудностїю разумѣется отъ человѣкъ и обученыхъ, а простымъ невѣжамъ отнюдъ непостизаемый есть (Духовный регламент 1776: 17; ср. Живов 2017: 981).

Прежде чем говорить о языковых особенностях катехизиса Феофана, отметим, что во всех изданиях «Первого учения отроком» используется церковная кириллица. Все издания этой книги строго придерживаются сложных правил церковнославянской орфографии, включая использование диакритических знаков и следование принципам антистиха. Стоит отметить, что церковные издания этого времени, как правило, печатались именно церковной кириллицей.[4] В данном случае при выборе шрифтового оформления решающим оказался именно этот момент, а не декларация Феофана, что «Первое учение отроком» написано на «простом» языке.

Рассмотрим языковые особенности катехизиса Феофана. Декларация Феофана об использовании простого языка предполагает отказ от маркированных славянизмов. Так, например, он старается минимизировать использования форм с палатализацией, хотя эпизодически они встречаются: дрꙋзі́и,[5] (Феофан 1721: 3); нѣ́цыи[6] (Феофан 1721: 5об.); ѡ҃ грѣцѣ̀ (Феофан 1721: 24), въ рꙋ́цѣ (Феофан 1721: 30) и т. п.

К числу важнейших языковых особенностей, позволяющих противопоставлять церковнославянский и русский языки, относятся простые претериты, т.е. аорист и имперфект. В «Первом учении отроком» случаев употребления прошедших времен не так уж много, что объясняется жанром текста, который обращается не прошлому, а к настоящему. Аорист и имперфект встречаются в цитатах, а в авторском тексте, как правило, появляется бессвязочный перфект: та́кѡ бг҃отвори́ли и҆ почита́ли дре́внїи Е҆ллини и҆зва́ннаѧ и҆ пи́саннаѧ ра́зныѧ вещи́й подо́бїа (Феофан 1721: 4об.); і҆ко́нꙋ бо́лше почита́ютъ, … когда̀ была̀ о҆на̀ безѡ҆кла́да (Феофан 1721: 5об.). По этому критерию мы можем сравнить язык катехизиса Феофана с языком его проповедей. По наблюдениям Л. Л. Кутиной, в ранних проповедях встречается аорист и имперфект как специфические книжные времена. (Кутина 1981: 14), а в проповедях, относящихся к петербургскому периоду, эти книжные времена уже практически не используются, и на их месте появляется бессвязочный перфект как нормативный способ обозна-

[4] Однако бывали исключения. В 1714 году выходит книга «Указ всем во флоте российском обретающимся», которая по сути является сборником молитв, адресованных солдатам. То, что молитвослов был оформлен в виде указа привело к тому, что этот сборник печатался гражданским шрифтом (Кравецкий 2021: 187-188).

[5] Но: дрꙋгі́и (Феофан 1721: 14).

[6] Но: нѣ́кїимъ (Феофан 1721: 3, 3об.).

чить прошедшее время. (Кутина 1981: 16-17). Таким образом, отказ от простых претеритов является характеристикой языка Феофана того времени, когда он был активным соратником Петра.

Что касается форм инфинитива и 2 лица презенса, то здесь мы чаще видим церковнославянские формы на *-ти* и *-ши*, хотя встречаются и формы на *-ть* и *–шъ:* что̀ хо́цемъ твори́ти (Феофан 1721: 2об.); и҆мѣ́ти и҆ны́хъ богѡ́въ, е҆́сть безу́мно у҆́мствовати (Феофан 1721: 4об.); пред҆̀ і҆кѡ́ною поклона́ешися (Феофан 1721: 5); приноси́ти Бг҃у (Феофан 1721: 5); ка́къ подоба́етъ прославля́ти Бг҃а (Феофан 1721: 8об.). Но: мо́жеши разсу́ди́ть (Феофан 1721: 5об.).

Исторические формы кратких причастий иногда сохраняются в атрибутивном значении, а иногда теряют значение атрибута и используются для описания дополнительного действия. Приведем примеры употребления этих форм в функции деепричастия: когда̀ кто̀ покоре́нїе дш҃ѝ своея̀ нѣ́кое-му҆ о҆́бразу прино́ситъ, бо́ися е҆́гѡ̀, и҆ надѣ́ися на него̀ (Феофан 1721: 4); слу́шай со у҆стре́рдїемъ и҆ внима́нїемъ, безъ́ го́рдости и҆ презо́рства, помышля́я, что̀ са́мъ Бг҃ъ у҆́сты слу́жи́теля своегѡ̀ гл҃етъ къ тебѣ̀ (Феофан 1721: 8об.-9). Второй пример особо показателен, здесь нет существительного или местоимения, к которому может относиться интересующая на форма. Здесь форма помышля́я присоединяется к императиву слу́шай. По наблюдению Л. Л. Кутиной, употребление кратких причастий в функции русского деепричастия характерно не только для поздних, но и для ранних проповедей Феофана (Кутина 1981: 21-22).

Что касается существительных, то тут нужно обратить внимание на формы дательного и творительного падежей множественного числа. Здесь церковнославянские формы отличались от русских. Если в русском языке во всех родах распространялись формы склонения на *-а* (*селам, городам, селами, городами*), то в катехизисе мы видим достаточно разнородную картину. Здесь встречаются как церковнославянские, так и русские формы: разли́чными вещьмѝ (стандартная церковнославянская форма творительного падежа) влад҆ѣ́ютъ (Феофан 1721: 3); и҆́коже сѵ́ти́тся и҆ прославля́ется и҆́мя Бж҃їе до́брыми, та́ко хва́лится зли́ми дѣла́ми (русская форма творительного падежа на месте церковнославянской дѣ́лы) человѣ́ческими (Феофан 1721: 6); и҆лѝ и҆ самѝхъ себѣ̀ о҆кля́нныи҆ сла́вятъ прови́дцами и҆ чу҆дотво́рцами (русские формы творительного падежа на месте церковнославянских прови́дцы и҆ чу҆дотво́рцы) (Феофан 1721: 7об.); і҆кѡ́намъ сѵ́ты́мъ, и҆лѝ моща́мъ (русская форма дательного падежа на месте церковнославянского моще́мъ), и҆лѝ мѣ́сту нѣ́коему҆ притвора́ютъ чу҆десѐ (Феофан 1721: 7-7об.).

В области синтаксиса так же, как и в морфологии, наблюдается смешение традиционных книжных элементов и нововведений, ориентированных на новую русскую норму. Так, например, в катехизисе Феофана мы встречаем конструкцию винительный падеж с инфинитивом глагола *быти*, которая была характерна для ученой книжной традиции: **кото́рїи хотѧ̀ ѝ немногобо́жни сѹ́ть, ѝ несѹевѣ́рни ... ѻ҆дна́кш ... не вѣ́рѹютъ бг҃а бы́ти** (Феофан 1721: 3об.); **ѝно́е сѣ̀ бы́ти сказѹетъ ѿ поклоне́нїѧ вѣ́рою ѝ дх҃омъ** (Феофан 1721: 5). Хотя эта конструкция и встречалась в церковнославянских текстах, но она, по всей видимости, не воспринималась как маркированный славянизм. По этой причине Феофан считает возможным ее употреблять. А конструкцию дательный самостоятельный, которая широко использовалась в церковнославянских текстах русского извода с самой древности и до XVIII века, Феофан считает несомненным славянизмом, которого следует избегать, и в его катехизисе эта конструкция практически не встречается.

Несколько слов следует сказать о союзных средствах. В авторском тексте (то есть не в цитатах) относительные местоимения *иже* (*еже, яже*) и *еликий* (*-ая, -ое*) меняются на *который* (*-ая, -ое*):[7] **сѹевѣ́рцы, ѧ̀кови́и ѝ ме́ждо хрїстїа́ны ѡ҆брѣта́ютсѧ, кото́рїи си́лѹ нѣ́кѹю вре́днѹю, ѝлѝ поле́знѹю воспиѕѹютъ вещи́мъ ѝлѝ ли́цамъ нѣ́кїимъ** (Феофан 1721: 3); **Грѣша́тъ проти́въ се́й же за́повѣди ѝ ѻ҆нїи, кото́рїи на свою̀, ѝлѝ на чѹ́ждѹю ча́ческѹю си́лѹ, бога́тство, мни́мое ща́стїе, безмѣ́рнш ѝ кра́йне надѣ́ютсѧ** (Феофан 1721: 3об.). В цитатах же церковнославянские местоимения сохраняются: **не сотворѝ тебѣ̀ кѹми́ра, ни вса́каго подо́бїа, е҆ли́кш на нб҃сѝ горѣ̀, ѝ е҆ли́кш на землѝ ни́зѹ, ѝ е҆ли́кш в҃ вода́хъ ѝ под҃ земле́ю, да не поклони́шисѧ ѥ҆̑мъ, ѝ да не послѹ́жиши ѥ҆̑мъ** (Феофан 1721: 1-1об.).

Приведенные выше примеры обнаруживают очевидное сходство языка «Первого учения отрокам» с языком книг, исправленных по инициативе Петра I. Анализируя язык «Географии генеральной», В. М. Живов выделяет особенности, которые противопоставляли церковнославянский и русский язык в сознании людей Петровской эпохи (Живов 2017: 954-960). Среди подвергавшихся правке языковых особенностей мы обнаруживаем замену простых претеритов *л*-формами, отсутствие конструкции *дательный самостоятельный*, употребление причастных форм в функции русских деепричастий и т.д. Конечно же, язык «Первого учения» отличался от языка светских и научных сочинений петровского времени, поскольку здесь используются иная терминология и иной понятийный аппарат. К тому же любое богословствование предполагало ориентацию на церковнославянские переводы святооте-

[7] Другие специфические церковнославянские союзные средства могут сохраняться: **а҆́ще кто̀ хѹ́литъ бг҃а, ѝ а҆́бїственнш рѹга́етъ** (Феофан 1721: 6об.).

ческих текстов, что не могло не оказывать влияние на язык. Однако, находясь в русле петровской реформы, направленной на формирование «гражданского наречия», катехизис Феофана все-таки оставался вторичным по отношению к естественнонаучным сочинениям. Сферой лингвистического эксперимента оставались светские и научные книги, а катехизис Феофана просто расширял сферу использования «гражданского наречия» на религиозные тексты.

Катехизисы Платона Левшина

Если «Первое учение отроком», несмотря на все свое новаторство, воспринимается человеком XXI века как гибридный церковнославянско-русский текст, то катехизисы Платона (Левшина) – это несомненно тексты, написанные на новом русском литературном языке. Платон был автором нескольких версий катехизисов.[8] Его «Православное учение или Сокращенная христианская богословия» было составлено на основе уроков, которые он давал будущему императору Павлу Петровичу. Впервые эта книга была напечатана гражданскими литерами в 1765 г., а затем много раз переиздавалась как гражданской печатью, так и церковной. В 1766 г. под заглавием «Краткий катехизис для обучения малых детей православному христианскому закону» был издан сокращенный вариант этой книги. Оба этих катехизиса были адресованы, в первую очередь, образованной (=дворянской) аудитории.

Остановимся подробнее на языковых особенностях «Краткого катехизиса для обучения малых детей православному христианскому закону».[9] С точки зрения грамматики это стандартный русский язык второй половины XVIII в. Особо показательным здесь является употребление деепричастий. Если для языка Феофана можно говорить о несогласованных причастиях, так как связь глагольной формы с существительным все еще периодически прослеживается, то у Платона бывшее причастие окончательно утрачивает связь с существительным или местоимением и становится зависимым от глагола: *входя познанїемъ въ самого себя, что ты прежде всего узнаéшь?* (Платон 1766: 1); *Притомъ поживъ на земли безгрѣшно свою непорочную жизнь оставилъ свѣтлѣйшимъ зерцаломъ добродѣтели къ подражанїю моему* (Платон 1766: 12).

---

[8] Характеристику этих изданий см. Кравецкий – Плетнева 2027 (в печати).

[9] Этот катехизис издавался в России только гражданской кириллицей. В этом издании обращает на себя внимание правописание слов «бог», «божий» со строчной буквы: *Развѣ отъ безконечно премудраго существа бога* (Платон 1766: 2); *Узнавъ о бытїи божїи, скажи мнѣ, что есть богъ?* (Платон 1766: 3). При этом слова Господь и Дух пишутся с прописной буквы: *верховный Господь всѣхъ* (Платон 1766: 4); *слѣдовательно Духъ чистѣйшїй* (Платон 1766: 4). Точно также личное местоимение, заменяющее слово Бог пишется с прописной буквы: *чтобъ Ево моими худыми дѣлами не прогнѣвлять* (Платон 1766: 5). Непоследовательность в использовании прописных букв для выделения nomina sacra мы наблюдаем и в ранних петровских изданиях гражданской печати (Кравецкий 2022: 77).

Что касается лексики, то, несмотря на богословское содержание сочинений, здесь используется очень небольшое количество славянизмов. Чаще всего это слова, на которые не падает основная смысловая нагрузка, – служебные слова или наречия: *наипаче* (Платон 1766: 18), *токмо* (Платон 1766: 19) и др. В редких случаях это другие слова: *неизглаголанный* (Платон 1766: 2), *странные* (в значении ‘странники’) (Платон 1766: 26).

Колокации и устойчивые фразеологизированные выражение выражения могут восходить как к церковнославянской книжной традиции (*тлѣнное естество* (Платон 1766: 12); *воскрешенїе живота* (Платон 1766: 17); *промыслитель преблагїй* (Платон 1766: 19)), так и к новым языковым конструкциям, появившимся в русском языке под влиянием европейских языков (*прихожу въ отчаянїе*[10] (Платон 1766: 9); *меня ободряетъ надежда*[11] (Платон 1766: 9) и т.д.

Еще одной позицией, где смешиваются церковнославянская и формирующаяся русская норма, является место атрибута по отношению к определяемому слову. При этом порядок *SA* воспринимался как славянский, а порядок *AS* – как русский. У Платона мы обнаруживаем оба варианта – AS: *будетъ другая вѣчная жизнь* (Платон 1766: 8); *О чемъ ты училъ въ первой части?* (Платон 1766: 9); *Какое бы было сїе спасительное и столь нужное средство?* (Платон 1766: 10); *потемненную нашу мысль просвѣтилъ истиннымъ богопознанїемъ, а поврежденное сердце направивъ къ покаянiїю оное своимъ милосердїемъ утѣшилъ* (Платон 1766: 12). SA: *праведнымъ будетъ награжденїе совершенное, а нечестивымъ наказанїе неизбѣжное* (Платон 1766: 8); *О богопознанїи естественномъ* (Платон 1766: 9); *вѣра Евангельская* (Платон 1766: 10);

Платон явно тяготеет к строгому логическому синтаксису, близкому к синтаксису латыни и новых европейских языков, но у него встречаются и конструкции, восходящие к церковнославянскому, а в конечном счете, к греческому. В его катехизисе можно обнаружить фразы, где определение (как правило, это причастие), находится на значительном расстоянии от существительного или местоимения: *Понеже такая вѣра успокоиваетъ совѣсть мою отъ страха суда божїя трепещущую* (Платон 1766: 13).

Выше мы говорили о книге «Краткий катехизис для обучения малых детей православному христианскому закону», которая была адресована, в первую очередь, представителям социальных верхов. Далее речь пойдет о книге «Начальное учение человеком, хотящим учитися книг божественнаго писания» (впервые напечатана в 1769 г.). Эта версия катехизиса адресована

[10] Ср. франц. *tomber dans le désespoir;* нем. *in Verzweiflung geraten.*
[11] Ср.: нем. *Die Hoffnung ermutigt mich;* франц. *L'espoir m'encourage*.

более широкому кругу читателей. По сравнению с «дворянскими» версиями текст сильно сокращен и упрощен. Так же, как и в «Первом учении отрокам», в начале книги помещена азбука со слогами, то есть материал для обучения чтению по складам, а собственно катехизис помещен после букварной части. В 1777 г. вышла переработанная версия этой книги, адресованная священнослужителям. Эта книга называлась «Сокращенный катехизис для священно- и церковнослужителей» и, по замыслу автора, содержала всю информацию, необходимую человеку, готовящемуся принять сан. Скажем несколько слов о языке этого издания. Эта книга всегда издавалась церковной печатью в стандартной церковнославянской орфографии со знаками титла, придыхания и ударения, притом что грамматика соответствовала нормам русского литературного языка того времени, а церковнославянский язык использовался только в цитатах из Писания:

Вопр: Гдѣ тебѣ предпи́саны пра́вила до́брыхъ дѣ́лъ;

Отв: Въ зако́нѣ Бо́жіи, кото́рый заключа́ется въ слѣ́дующихъ десяти́ запове́дя́хъ.

а. Азъ е́смь Гдь Бгъ твой, да не бу́дутъ тебѣ бо́зи иніи ра́звѣ мене.

б. Не сотвори́ тебѣ кумира́, ни всѧ́каго подо́бія, е́ликъ на нбси́ горѣ́, и е́ликъ на земли́ ни́зу, е́ликъ въ вода́хъ и подъ земле́ю, да не покло́нишися и́мъ, и да не послу́жиши и́мъ (Платон 1776: 6)

Платон здесь в основном использует общелитературную лексику, которая встречается как в русских текстах, так и в церковнославянских. Иногда в катехизисе появляются славянизмы, имеющие синонимы в русском литературном языке (*возбранити / запретить*, *вельми* / *очень* и т.д.): **се́дмь** (Платон 1776: 2об.), **возбране́нъ** (Платон 1776: 4), **на толи́кое вре́мя** (Платон 1776: 4.), **вельми́** (Платон 1776: 4); **кольми́ па́че** (Платон 1776: 8об.). А иногда используются русские слова, которые не встречаются в церковнославянских текстах: **а напосле́докъ** (Платон 1776: 2); **что́къ** (Платон 1776: 7); **блгопристо́йность** (Платон 1776: 5об.). Так, заповедь «не укради» толкуется преимущественно русскими словами, не имеющими церковнославянских параллелей. Речь в этом толковании идет о каждодневных действиях, понятных живущему в сельской местности человеку: **Запреща́етъ мнѣ Бгъ ни я́вно ни та́йно ни отъ кого́ ничего́ не отнима́ть, на́йденную ве́щь не утаи́вать, или́ бѣ́глаго человѣка не укрыва́ть, чужо́й па́шни, сѣнока́, или́ огорода́ свое́ю скоти́ною не трави́ть, чуже́ю земле́ю не владѣ́ть, при прода́жѣ, покупкѣ и обма́нѣ никого́ не обма́нывать, отъ рабо́тниковъ пла́ты не удержива́ть, ро́стъ, особли́во съ бѣ́дныхъ, не бра́ть, де́негъ Гдревыхъ, цр҃ко́вныхъ, и ничьи́хъ не кра́сть и не утаи́вать.** (Платон 1776: 10-10об.)

К 60 -м годам XVIII в. можно говорить о том, что новый русский литературный язык окончательно сепарировался от церковнославянской книжной

традиции. Если для предыдущей эпохи была характерна гетерогенность церковнославянских и русских элементов внутри одного текста, то к 60-м годам она была преодолена. У Феофана Прокоповича мы видели отказ от маркированных лексических славянизмов, но некоторое непоследовательное сохранение их в грамматической структуре. В катехизисах Платона Левшина совсем другая картина. Здесь уже нет вариативности грамматики. У Платона текст гораздо более гомогенный по языку. И употребление им определенных грамматических форм и конструкций не отличается от их употребления в других русских текстах второй половины XVIII в. С уверенностью можно сказать, что катехизисы Платона – богословские сочинения на том варианте русского литературного языка, который не сильно отличается от языка Карамзина и по сути его предвосхищает.

Если говорить о катехизисах Платона в терминах актуальной для того времени теории «трех штилей», то язык платоновских катехизисов, безусловно, относится к среднему стилю. Здесь почти не употребляются славянизмы, не поддерживаемые русским литературным языком того времени, отсутствует пафос и торжественность, характерные для оды или проповеди. Платон, очевидно, ориентируется на простой язык: в его катехизисах встречаются слова, связанные с реалиями российской жизни, не характерные для церковнославянского (**пáшнѧ, ѣнокóѣх, ѿгорóдх, скотúна** и т.д.). При этом просторечная лексика в этих катехизисах отсутствуют.

Неопубликованный катехизис епископа Гавриила (Петрова)

В середине 1760-х годов над подготовкой краткого катехизиса также работал епископ Тверской Гавриил (Петров). В своей епархии епископ Гавриил пытался организовать религиозное просвещение населения, для чего требовалось учебное пособие. «Православное исповедание» Петра Могилы для этого не годилось, поэтому Гавриил составил собственный краткий катехизис и отправил его в Синод с просьбой напечатать. Однако напечатана эта книга не была, поскольку вскоре в руки Гавриилу попал новоизданный катехизис Платона. «Православное учение или Сокращенная христианская богословия» произвело на Гавриила такое впечатление, что он отказался печатать свою рукопись и стал в своей епархии использовать книгу Платона. До последнего времени Катехизис Гавриила не был известен, но в 2025 г. мы обнаружили эту рукопись в архиве Святейшего Синода.[12]

Составляя свой катехизис, Гавриил в значительной степени решал лингвистическую задачу. В предисловии он указывал на то, что катехисис Петра

[12] О катехизисе Гавриила см.: Кравецкий – Плетнева 2027 (в печати). В настоящее время текст катехизиса Гавриила готовится нами к печати.

Могилы велик по объему и написан на церковнославянском языке («высоким слогом»). Соответственно Гавриил составляет версию учительной книги, которая написана простым языком и, по его мнению, не представляет трудностей для понимания: «катихисисъ напечатанной въ московской типографїи по высотѣ его слога невразѹмителенъ, притомъ и по великости невмѣстимъ в память особливо крестьянства: чего ради я по должности моей сочинилъ снисходя какъ моглъ ясностїю и краткостїю слога понятїю неѹченыхъ катихисисъ» (Гавриил 1764: 1).

Фактически Гавриил решал ту же языковую задачу, которую сорока годами раньше решал Феофан Прокопович, работая над «Первым учением отроком». Однако образцовым текстом, который следует адаптировать под просветительские задачи, он считал не «Начальное учение» Феофана, а «Православное исповедание» Петра Могилы. Именно про него Гавриил писал, что этот текст «по высотѣ его слога невразѹмителенъ, притомъ и по великости невмѣстимъ в память».

Книгу Феофана Гавриил в связи со своим катехизисом не упоминает. Можно предположить, что к содержанию этой книги у Гавриила имелись некоторые претензии. Характерным в этом смысле является раздел, посвященный почитанию икон. Как и Феофан, Гавриил пишет об иконах в связи с толкованием второй заповеди (не сотвори себе кумира). Феофан пишет, что поклонение иконе возможно ра́ди и҃зображе́нїѧ лицà Хр҃то́ва, и҆лѝ с҃ты́хъ є҆гѡ̀ (Феофан 1721: 5), но далее подробно описывает, какие формы поклонения иконам являются грехом против второй заповеди. В этом описании имеются прямые отсылки к традициям русского благочестия, в частности, грешащими против второй заповеди названы те, кто ѹ҆пова́нїе на і҃кѡ́ны возлага́ютъ (Феофан 1721: 5об.-6). Очевидно, что подобное утверждение плохо соотносится с традициями народного благочестия и почитания чудотворных икон. У Гавриила, который адресовал свой катехизис крестьянам, мы ничего подобного не находим. Он просто декларирует, что почитание икон второй заповеди не противоречит (Гавриил 1764: 13об-14).

Катехизис Гавриила не был напечатан, но из его обращения в Синод мы видим, что вопрос о выборе шрифтового оформления для него не был принципиальным. Он предполагал, что катехизис будет или напечатан церковной печатью в Московской типографии, или же Синод может «дозволить в гражданской [т.е., гражданской печатью] напечатать и о томъ опредѣлить указомъ» (Гавриил 1764: 1).

Что касается языка этого катехизиса, то следует отметить наличие элементов, которые в языке XVIII в. используются в качестве архаизмов, присущих высокому стилю, или же в качестве канцеляризмов: подвигнѹлъ его на гнѣвъ (Гавриил 1764: 6); паче всѣхъ тварей (Гавриил 1764: 8); не

подпасть нань одолжавшемѹ тмою[13] талаⁿтъ твоемѹ гнѣвѹ (Гавриил 1764: 12об.); понеже (Гавриил 1764: 4, 6об., 14об) и др.

Наличие лексических славянизмов не является отличительной чертой языка Гавриила.[14] Однако определенные церковнославянские черты в области грамматики отличают язык его катехизиса от языка катехизисов Платона. Среди характерных для Гавриила особенностей можно отметить следующие. Эпизодически он употребляет формы глагола *быть* в настоящем времени: исповѣдѹю первое что онъ есть мой бг҃ъ равно какъ и ѿц҃ъ, второе, что онъ есть едино начало со ѿц҃емъ созданїѣ свѣта сего (Гавриил 1764: 6); я … есмь его созданїе (Гавриил 1764: 6). Встречаются архаичные формы указательного местоимения *иже*, в то время как даже у Феофана в таких случаях используется местоимение *который*: я кромѣ того что есмь его созданїе но какъ имже избавленный ѿ такой погибели (Гавриил 1764: 6). Впрочем, местоимение *который* Гавриил также использует: бг҃ъ по своему чл҃вколюбїю чтобъ без нарѹшенїя своего правосѹдїя меня спасти сн҃а своего послалъ который принявши на себя плоть человѣческѹю былъ ходатай или какъ бы посредственникъ и примиритель бг҃а с человѣкомъ (Гавриил 1764: 6). Встречается также церковнославянская форма местоимения *нань* (Гавриил 1764: 14 об.) вместо *на него*: и мнѣ по твоемѹ правосѹдїю не подпасть нань одолжавшемѹ тмою талантъ твоемѹ гнѣвѹ (Гавриил 1764: 12об.), но: на него единаго уповалъ (Гавриил 1764: 13). В катехизисе Гавриила встречается также отрицательная конструкция с *ниже*, характерная исключительно для церковнославянского языка: не толко ближняго но ниже врага (Гавриил 1764: 15).

Что касается строения предложения и, прежде всего, порядка слов, то здесь катехизис Гавриила сильно отличается от катехизисов Платона. У Гавриила встречаются фрагменты, где сказуемое и подлежащие находятся в противоположных частях предложения: онъ какъ пророкъ неизвѣстный чл҃вкѹ впадшемѹ грѣхомъ в погибель вѣчнѹю способъ которымъ бл҃говолилъ бг҃ъ его ѿ оныя спасти обявилъ (Гавриил 1764: 6об.); онъ какъ архїерей по умилостивленїю бг҃а за нас, подлежащихъ вечномѹ страданїю, и смерти своимъ страданїемъ и смертїю божїю правосѹдїю удовлетворилъ (Гавриил 1764: 6об.). Такой порядок слов скорее соответствует церковнославянской норме, чем норме нового русского литературного языка. Особенно это заметно во вступлении, которое составлено в соответствии с риторическими традициями духовной школы. Подобных примеров мы не увидим в катехи-

[13] Слово *тма* здесь использовано в значении «много».

[14] Для языка второй половины XVIII – начала XIX в. использование славянизмов было совершенно нормальным. Мы обнаруживаем славянизмы не только у современников Гавриила (например, у Платона Левшина), но даже у Карамзина.

зисе Платона, который в вопросе порядка слов ближе к русской модели, чем к церковнославянской.

Что касается места определения относительно существительного (порядок *AS*/*SA*), то здесь нет единства. Русский литературный язык этого времени движется в сторону, когда определение стоит перед существительным и, соответственно, происходит уменьшение количества случаев, когда определение стоит после существительного. И у Платона, и у Гавриила встречаются оба варианта: велитъ мнѣ … имѣть сердце чистое правꙋю совѣсть (Гавриил 1764: 16), но ассоциированный с церковнославянским языком порядок *SA* Гавриил использует значительно чаще.

Место объекта относительно предиката (т.е.порядок *OV*/*VO*) также не является фиксированным.Встречается и модель ассоциированная с цсл OV и модель, ассоциированная с русским литературным языком, где характерен порядок *VO*: воплотился то есть истинное человѣческое тѣло и дш҃ꙋ принялъ (Гавриил 1764, 7об.).

То, что катехизис Гавриила в бóльшей степени ориентирован на церковнославянский язык, чем катехизис Платона, может быть вполне сознательной стратегией. Из переписки епископа Гавриила с Синодом следует, что его катехизис был адресован в первую очередь крестьянам. А крестьяне в целом лучше понимали славянизированный вариант русского языка, чем новый русский литературный язык. В свое время нам уже приходилось писать о том, что вплоть до последней четверти XIX в. в Российской империи преобладала традиционная модель обучения чтению – по церковнославянскому букварю, Часослову и Псалтыри (Кравецкий – Плетнева 2001: 25-41; Плетнева 2013: 30-45). В результате для грамотной части крестьян более предпочтительным оставался не новый литературный язык, а его славянизированные гибридные варианты. Так что мы можем предположить, что если бы катехизис Гавриила был напечатан, то в языковом отношении он мог бы оказаться более приемлемым для крестьянской аудитории, чем катехизисы Платона.

Сопоставление языка катехизисов Платона и Гавриила показывает рамку, внутри которой возможно было существование русского богословского языка в 60-70-е годы XVIII в. С одной стороны, выросший из учебников по поэтике и риторике язык Гавриила, обращающийся к церковнославянскому (а изначально греческому) порядку слов, и с другой – язык Платона, где синтаксическая структура фразы близка к текстам на европейских языках и в некотором смысле предваряет новаторский язык Карамзина. С одной стороны книжная традиция и духовная школа, с другой – свобода в выборе средств и ориентация на европейскую светскую литературу.

***

Таким образом, подводя итоги нашего краткого обзора языка катехизисов XVIII века, можем констатировать, что катехизис Феофана соответствовал тому языковому стандарту, который разрабатывался и осваивался в 10-20-е годы. Язык катехизисов Платона также соответствовал развитию русского литературного языка его времени, то есть, 60-70-х годов, а в некоторых аспектах (например, порядок слов и структура предложения) язык Платона вообще новаторский и близок к языку следующей эпохи, к языку Карамзина. Язык Гавриила, катехизис которого писался одновременно с катехизисом Платона, сильно отличается от последнего. Он более архаичен, изобилует большим количеством церковнославянских конструкций. В чем-то он даже ближе языку Феофана Прокоповича, хотя Катехизис Гавриила был составлен спустя 40 лет после «Первого учения отрокам».

Источники

Гавриил 1764 – По донесению Тверского епископа Гавриила о напечатании сочиненного им катехизиса в Московской типографии двух тысяч четырехсот экземпляров на коште или в гражданской типографии для его епархии (1764) // РГИА. Ф. 796 Оп. 45 Д. 282.

Духовный регламент 1776 – Духовный регламент. Сантк-Петербург, Печатано при Сенате, 1776.

Платон 1766 – *Платон (Левшин), иеромонах.* Краткий катихизис для обучения малых детей православному христианскому закону, сочиненный и[еромонахом] Платоном. [Санктпетербург], при Имп. Акад. наук, 1766.

Платон 1776 – Сокращенный катехизис для священнослужителей. Москва: Синодальная тип., декабрь 1776.

Феофан 1721 – Феофан Прокопович. Первое учение отроком. Санкт-Петербург: Типография Александро-Невского монастыря, 1721.

Литература

Живов, Виктор М.: История языка русской письменности. Том II. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 480 с.

Корзо, Маргарита А.: Катехетические сочинения Феофана Прокоповича. In: Славянский альманах, 2013, с. 263-280.

Кравецкий, Александр Г.: Гражданский шрифт в изданиях богослуженых текстов XVIII века: сборники молитв для матросов и солдат. In: Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2021, № 1, с. 186-205. DOI: 10.31912/pvrli-2021.1.9.

Кравецкий, Александр Г.: Прописная или строчная? К истории орфографических практик XVII–XVIII вв. In: Русская речь, 2022, № 1, с. 71-81. DOI: 10.31857/S013161170018741-4

Кравецкий, Александр Г. – Плетнева, Александра А.: История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). Москва: Языки русской культуры, 2001. 400 с.

Кравецкий, Александр Г. – Плетнева, Александра А.: Формирования системы религиозных и языковых компетенций подданного империи: к истории катехизиса в России. In: Имена и письмена. К юбилею Анны Абрамовны Пичхадзе. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2026, с. 473-591. DOI: 10.31912//978-5-88744-104-7.

Кравецкий, Александр Г. – Плетнева, Александра А.: В поисках идеального учебника: русские катехизисы XVIII века. In: Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2027. (в печати).

Кутина, Лидия Л.: Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа. In: Язык русских писателей XVIII века. Ленинград: Наука, 1981, с. 7-46.

Плетнева, Александра А.: Лубочная Библия. Язык и текст. Москва: Языки славянской культуры, 2013. 392 с.

Плетнева, Александра А.: Катехизис как учебная книга: к вопросу о рецепции европейских образовательных моделей в России XVII–XIX веков. In Mengel, Swetlana (Hg.): Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках: их рецепция, распространение, культурообразующее и просветительское значение. Slawistik, Band 11. Berlin, 2024, с. 507-533.

Bardejovský katechizmus z roku 1581: najstaršia slovenská kniha. Filologické, teologické a bibliografické štúdie, textologická a grafická rekonštrukcia poškodeného korpusu unikátneho výtlačku. Zost. Miloš Kovačka. Martin: Slovenská národná knižnica, 2013. 255 s.

Grdina, Igor: Reformacijski tokovi na Slovenskem. In: Zgodovinski časopis (Historical Review), 61/2007 (135), No. 1–2, s. 59-74.

Rospond, Stanisław: Studia nad językiem polskim XVI wieku. Wrocław: Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 1949. 533 s.